

Танцующая на волнах

Автор:

Анна Данилова

Танцующая на волнах

Анна Данилова

Как же Евгении хотелось, чтобы все то, что случилось, оказалось дурным сном. Но это не сон. Дуэль произошла на самом деле. И это она, Женя, убила свою лучшую подругу Лену, превратив жизнь ее мужа в настоящий ад.

Как Шехов мог пойти на поводу у Жени и поехать из Москвы в Питер с трупом собственной жены в багажнике? К счастью, его не остановили по дороге...

Владимир Шехов, молодой банкир, уверенный в себе мужчина, имеющий все, включая преданную любовницу Женю, неожиданно стал вдовцом. Осознал ли он сам, что Лены больше нет? Владимир слишком испугался и не сразу почувствовал опасность, нависшую над ним.

Он и предположить не мог, что Женя постарается переложить ответственность за совершенное убийство на своего ни в чем не повинного любовника. Ведь подруги не из-за него стрелялись...

Анна Данилова

Танцующая на волнах

Глава 1

Из газетной криминальной хроники: «9 июня под Петербургом, неподалеку от Лисьего Носа, в лесном массиве обнаружено странное захоронение. Полуразложившееся человеческое тело находилось в оранжевом спальном мешке... Прокуратурой заведено уголовное дело...»

Маша никогда не задумывалась над тем, как красиво может звучать ее имя. «Мари, – сказал ее новый знакомый, окинув ее взглядом холодноватых зеленых (как июньская вода за бортом маленького катера, на котором они проплывали под низенькими мостами Мойки) глаз, – я буду звать тебя Мари». Он даже не спросил, согласна ли она на это, а просто за одно мгновение превратил ее из Маши в Мари. И после этого даже солнце стало жарче, и купола на соборах загорелись золотом, а грязное клетчатое сине-зеленое, по виду похожее на общаговское, одеяло, которое ей выдали на катере, как и всем туристам, желавшим прокатиться по Мойке, превратилось тотчас в толстый и уютный чистый плед, а она сама, Маша Игонина, преобразилась в хрупкую и изящную француженку с тонкими чертами лица, сжимающую в руках сумочку с тысячью евро вместо трех тысяч рублей. Да и сам Петербург тут же расцвел и заблагоухал стариной и словно превратился в столицу Европы после того, как мужчина с зелеными глазами, представившийся Владимиром, назвал скромную и ошарашенную впечатлениями провинциалочку Машу французским именем Мари. Они были знакомы чуть больше часа. Это он, подцепив ее на Невском, увлек за собой на пристань, откуда через несколько минут отправлялся экскурсионный катер. Он по лицу ее понял, что она растерянна и не знает, куда идти и что смотреть в этом городе, а потому повел себя с самого начала очень уверенно и даже как будто весело. Он был хорошо одет, от него пахло горьковатым одеколоном. Чуть больше тридцати, светловолосый, милый, улыбчивый и какой-то необыкновенно легкий, свой, приятный во всех отношениях. Она согласилась бы пойти с ним даже в Кунсткамеру, куда не решалась пойти одна. Да и вообще путешествовать одной по Питеру было скучновато, и Маша постоянно ловила себя на мысли, что ей хочется обратиться к невидимому спутнику, чтобы сказать: «Смотри, как классно...» или «Вот это да-а!» Даже мороженое есть в одиночку было невкусно. Она уже не раз пожалела, что отправилась в это первое в ее жизни путешествие одна. И в Эрмитаж не попала – поняла, что не сумеет выстоять огромную, в километр, очередь. И поездка в Петергоф пугала –

экскурсия предполагалась шестичасовая, и Маша ужасно боялась, что отстанет от остальных, более организованных, чем она, и опытных туристов и, прошляпив свой автобус, останется там одна. Она даже видела себя притулившейся к стене Петродворца и пытавшейся уснуть холодной ночью под плеск фонтанов и перебранку сторожей... Было и еще одно обстоятельство, которое очень сблизило ее с Владимиром и о котором ей теперь стыдно вспоминать. Она, конечно, хотела прокатиться на катере, но до этого были две кондитерские с чаем и лимонадом, а потому, чтобы не случилось какого конфуза, ей следовало бы перед отплытием непременно посетить туалет. Она не знала, как сказать об этом Владимиру, но тут на помощь подоспела женщина, что заправляла экскурсиями. «Кто хочет в туалет, бегите скорее в арку Строгановского дворца, затем направо, потом налево... Смелее... Мы вас ждем...» И она побежала, не будучи уверенной в том, что Владимир станет дожидаться ее возле этой самой арки чудесного розового Строгановского дворца, украшенной вывеской музея шоколада с гигантским шоколадным человеком. Однако он дождался ее и даже улыбнулся ее появлению, словно и сам боялся, что она передумает и улизнет в последнюю минуту. Такая мелочь, а как сблизает, подумала Маша, дотрагиваясь пальцами до пальцев Владимира, принимавшего ее уже на борту и укутывавшего клетчатым одеялом.

– Садись, – повелительно сказал Владимир, он сразу стал к ней обращаться на «ты». – Получишь неслыханное удовольствие. Погода-то какая – сказка!

Катер сначала подался вперед, затем, развернувшись, пошел в сторону цветных мостов. Маша слушала, смотрела на проплывающие мимо дворцы и представляла себя живущей в этом городе лет двести тому назад... Владимир достал плитку шоколада и угостил ее. Шоколад таял во рту, в лицо бил прохладный, с брызгами воды ветер, а солнце слепило глаза. Набережная Мойки оживала от слов девушки-экскурсовода, которая, ежась от ветра, натягивала на голову шарф и рассказывала о том, кому принадлежал тот или иной дом, где жили цари, где можно было купить слуг или коней, нанять бонну или взять проститутку. Город наполнялся призраками прошлого.

– Я хотела бы жить здесь, – сказала вдруг Маша и сама испугалась своей нескромности.

– Хочешь, значит, будешь жить. Ты еще очень молода, чтобы бояться собственных желаний, – ответил ей на это Владимир и, отыскав под пледом ее руку, крепко сжал. Ее рука была горячей, мягкой и нежной. Маша покраснела.

– Но ведь здесь, на набережной, жили только очень богатые люди, – заметила она осторожно. – Хотя смотрите, сколько домов стоит, покрытых плесенью и с черными провалами окон... Не представляю, чтобы в них кто-нибудь жил...

– Все можно купить и отреставрировать... Было бы желание и деньги. Ты не замерзла?

Было самое время спросить, почему он выбрал именно ее, но природная общительность и храбрость, которые отличали Машу от подруг, вдруг изменили ей, и она промолчала. Медленно поворачивая голову в сторону Владимира, она вдруг почувствовала, что знакомство с ним этой экскурсией не закончится. Внутреннее чутье показало ей картинку из будущего – она увидела себя на красном бархатном диванчике в окружении живых цветов и едва не задохнулась от своих фантазий. Откуда этот диванчик и живые цветы? Что она себе позволила? Разве недостаточно того, что вообще произошло с ней за эти несколько последних дней?

Закончив в прошлом году бухгалтерские курсы в своем родном городе Саратове и устроившись в частную фирму помощником бухгалтера, она проработала там полгода, ничего не заработала, поскольку хозяин с самого начала предупредил ее, что зарплата маленькая, да и работа временная, после чего приняла решение накопить денег и поступить на юридический факультет университета. Но вот как заработать столько денег, чтобы поступить, она себе не представляла, пока была жива ее тетя, с которой она жила с детства, с тех пор как погибли ее родители. Тетя Надя умерла, Маша похоронила ее как могла, после чего, продолжая жить в теткиной квартире, выселила квартирантов из большой квартиры родителей, которая сдавалась все эти годы, собственными силами отремонтировала ее и продала. На вырученные деньги купила две маленькие квартиры в центре города, наняла бригаду тихих, мирных и трудолюбивых таджиков, которые за небольшую плату отремонтировали их, после чего также продала, получив чистую прибыль – пятьдесят тысяч рублей. Устала и решила впервые в жизни отдохнуть, поехать куда-нибудь. Выбрала Петербург, слышала, что очень красивый город. Попрощалась с подружками, с женихом Лешей, студентом журфака, мечтающим работать в Москве на телевидении, села на поезд и поехала в Питер, где остановилась в одной из самых дешевых гостиниц. Три дня просто ходила по центру Петербурга, вживаясь в этот город, пытаясь понять, кем надо быть, чтобы иметь право жить здесь, среди этих роскошных парков и дворцов, какую голову иметь, чтобы заработать столько денег, чтобы купить, скажем, небольшую квартиру рядом с

кондитерской Смирдина. Но так ничего и не поняла. Крутилась возле дорогих гостиниц, всматривалась в лица входивших и выходивших оттуда женщин, чтобы определить, кто они, из какого материала сделаны, что живут в номерах стоимостью две с половиной тысячи долларов в сутки, а она, Маша Игонина, ютится в крошечной комнатке за триста рублей в сутки да еще и с видом на облезлый кирпичный дом брежневской застройки. Но женщины отличались не материалом и даже не одеждой, а каким-то безучастным или отстраненным выражением лица. Они были словно неживые. Получалось, что это деньги сделали их такими. Или здесь что-то другое?

И вдруг этот Владимир... Кто он и что ему от нее надо?

...Экскурсия благополучно завершилась, они, вернув пледы и пробормотав «спасибо» промерзшей девушке-экскурсоводу, сошли на берег. Но и на берегу у Маши было такое ощущение, словно она продолжает плыть по волнам – ее слегка покачивало.

– Я приглашаю тебя пообедать, – вдруг сказал Владимир, и Маша не поверила своим ушам. – Ты, наверное, проголодалась? На воде всегда есть хочется...

Она была не против.

– Тогда пошли. Заодно и погреешься, я же вижу, как ты замерзла.

И они пошли по Невскому быстрым шагом. Вместо того чтобы о чем-то говорить, они, взявшись за руки, двигались вперед, налетая на прохожих, на мгновение расцепляя руки, чтобы кого-то пропустить, и соединялись вновь. Похожее чувство Маша уже испытывала, когда только познакомилась с Лешей. Новизна отношений, смутные желания, приятное касание рук, мысли, напоминающие разрозненные фрагменты эротических фильмов, – все это уже было в жизни Маши, и она понимала, чего хочет от нее этот мужчина, как понимала она и то, чего хочет сама. Но с Лешей они хотя бы неделю встречались, прежде чем оказались в квартире его друга, который дал им ключи и велел «все успеть до вечера». А Владимира она знала не больше трех часов. Может, для Питера это и норма и этого времени вполне достаточно для того, чтобы два взрослых человека поняли, для чего они столкнулись на Невском и как дальше сложатся их отношения, но Маша не из Питера... Куда они идут? Почему налетают на прохожих? Где тот тупик, куда он приведет ее и, запершись на все замки,

начнет сбрасывать с себя одежду? Как будет выглядеть комната, где она отдастся этому красивому питерцу?.. Стоп, почему она решила, что он из Питера? Она же совершенно ничего о нем не знает. Зачем питерцу кататься на катере? Чтобы подцепить девушку? У него что, своих, питерских, девушек мало? Да он наверняка еще и женат...

– Куда мы идем? – все же не выдержала она и попыталась притормозить. – Володя, подождите, дайте мне перевести дух...

Она хотела сказать, что не уверена уже, что хочет есть. И все потому, что не была уверена, что он ведет ее именно в кафе или ресторан, а не в какое-то другое место, где набросится на нее, чтобы утолить свою страсть. Но ведь она же только что призналась себе, что и сама хочет этого. Тогда к чему этот вопрос?

Он остановился. Щеки его разрумянились.

– Мари, если бы ты знала, какая ты хорошенькая... – Он вдруг обеими руками взял ее лицо и склонился над ним. Она увидела совсем близко его глаза. Он почему-то сильно нервничал. Она слышала, знала, наконец, что мужчинам куда сложнее скрыть желание, чем женщинам, и тем более погасить его, но не в подворотню же он ее ведет?

Она закрыла глаза и почувствовала, как он теплыми губами целует ее.

– Вы что это... Володя...

– Я и сам не знаю, что со мной, – ответил он. – Ты не поверишь, но все то время, что я нахожусь рядом с тобой, мне так хорошо... Вообще-то я приехал сюда по делам, по очень важным делам, и поездка на катере не входила в мои планы. Я должен быть сейчас в другом конце города, у меня назначена встреча... Но как только увидел в толпе твое лицо, сразу понял, что мы будем вместе. Быть может, это невский воздух так подействовал на меня, и эти дома, эти кружевные решетки парка, в котором я оказался рано утром... Я как пьяный, честное слово, хотя ничего не пил. И ничего не ел. У меня во рту с самого утра росинки не было.

– Вы очень бледный, Володя.

- Это потому, что у меня голова кружится... Я хочу тебя, Маша...

Он назвал ее по имени. Он хотел ее не как Мари, а как Машу. Она не знала, как к этому отнестись: либо он, как животное, забыл, что недавно романтизировал ее образ, и теперь мечтал лишь об одном – как можно скорее овладеть ею, либо он только что разглядел в ней настоящую, живую Машу, такую, какой она была на самом деле, безо всяких прикрас – задышающуюся, как и он, от смутных, неясных желаний. Да и какая разница, как он ее назвал – Мари или Маша, – если он так откровенен с ней?

- Вы всегда говорите девушкам, которые вам нравятся, так прямо?.. Вам так некогда, что и поухаживать не можете, цветы, например, подарить?

- Вы хотите, чтобы я подарил вам цветы?

- Владимир, вы похожи на сумасшедшего. Только не надо, пожалуйста, говорить о любви с первого взгляда. Я уже взрослая девочка.

Ну вот она и стала прежней Машей, острой на язычок и насмешливой не в меру. Видно, прохладный ветер остудил ее вспыхнувшую страсть, и она немного успокоилась.

- А о любви никто и не говорил, – тихо произнес Владимир и провел пальцем по ее губам. Ее словно пронзила молния, она даже дернулась всем телом. – Я был груб с вами, Мари... Маша, как вы хотите, чтобы я вас называл?

- Сначала определитесь, как вы станете ко мне обращаться: на «ты» или на «вы».

- А как вы хотите?

- Мне, по большому счету, все равно.

- Тогда на «ты» и без «Мари». Ты мне нравишься вот такой – немного дерзкой, ироничной и смелой. Мне нравятся такие.

- Куда ты меня ведешь? - Она тоже перешла на «ты», теперь они на равных. - В какой-нибудь навороченный ресторан?
- Ты была когда-нибудь в гостинице «Астория»?
- Нет.
- Хочешь пожить там?
- Да. Но только у меня нет денег.
- Они тебе и не понадобятся. Ты поживешь как королева...
- Что я должна буду сделать для тебя?
- Ничего. Просто для удобства я скажу, что ты моя жена.
- Это все?
- Да, все.
- Но для гостиницы «Астория» я одета не очень-то подходяще, согласишься... Ты понимаешь?
- Ерунда. Моя жена одевается очень просто.
- Она красивая?
- Вероятно. На любителя.
- Она блондинка, как и я?
- Нет, она брюнетка, похожа на Шер, у нее и голос такой же низкий.
- А где она сейчас?

- Отправилась в Африку. Она постоянно куда-нибудь уезжает, путешествует, у нее образ жизни такой. Так ты согласна?

- Согласна на что?

- Пожить со мной немного, скрасить мое одиночество. Как видишь, я тебя не обманываю, не говорю о любви, ничего не обещаю, кроме роскошного номера гостиницы «Астория» и холодного шампанского по утрам...

- Но я не проститутка.

- Я знаю. Ты - девушка из провинции.

- Правильно.

- Видишь, как все хорошо складывается?

- В смысле?

- Мы начинаем наши отношения с правды. Это сейчас такая редкость.

...Он измучил ее своими поцелуями, растрепал прическу, и это на глазах всего Невского. У нее закружилась голова. Мысленно она попросила прощения у Леши.

А дальше все было как во сне. Красный бархатный диванчик в огромном красивейшем холле «Астории», живые цветы в вазах, зеркала в бронзовых рамах, бесшумный лифт, двери красного дерева, пушистые узорчатые ковры, мраморная ванная комната, теплый душ и белоснежный махровый халат... Невероятных размеров кровать с льняным гладким бельем, покачивающийся над ней потолок и наслаждение от близости с мужчиной, которого она подцепила на Невском. Она слышала, как в раскрытое окно доносится шум большого города и шелест листвы. Сейчас все закончится, он встанет и скроется в ванной комнате, после чего придет и скажет, что он опаздывает на встречу. И он встал, она увидела его ягодицы, ровную спину в капельках пота, завитки волос на затылке, стройные икры ног. Очень красивый мужчина, он просто создан для того, чтобы на него смотрели, чтобы им любовались женщины. И в сексуальном смысле он тоже хорош, много умеет и знает. Физически подходит ей идеально. Но ведь это

же сон. Интрижка в роскошном интерьере – не больше. Окажись на ее месте другая, непременно обчистила бы его. Ему повезло, что он встретил честную и порядочную Машу.

Она потянулась на постели, затем встала и тоже побрела в ванную комнату. От хорошего настроения не осталось и следа. Она представила себе, как сейчас оденется, приведет себя в порядок и поедет на метро в свою гостиницу. Вернется в свою жизнь. А что будет дальше? Она тяжело вздохнула. Нет, она не вернется прямо сейчас в свою гостиницу. Побродит еще немного по центру Питера, зайдет в какую-нибудь закусочную, выпьет кофе, потом посидит в тихом сквере, подумает... Ей вдруг захотелось поплакать. Она и сама не ожидала от себя такой реакции на свидание с мужчиной. Она не могла понять, что с ней происходит. Ей представилось, что у нее отбирают то, что до этой минуты принадлежало ей: и этого мужчину, и этот номер в гостинице с мраморной ванной комнатой и бронзовыми статуэтками в гостиной... А розы в дорогих вазах на прикроватных столиках на изогнутых ножках? Разве все это только что не принадлежало ей? К черту дешевую закусочную и тихий сквер с невеселыми мыслями. Она сейчас же потребует, чтобы ее хотя бы накормили. Желательно икрой.

И тут она, остановившись на пороге ванной комнаты, куда шла так медленно, как это было только возможно, услышала, как где-то в глубине апартаментов Володя разговаривает с кем-то. Вероятно, по телефону. Она замерла, пытаясь расслышать слова. Ее бросило в жар, когда она поняла, что он заказывает обед в номер. Она четко услышала про икру и какую-то рыбу, про шампанское и клубнику. Еще несколько минут или часов счастья? Пусть ненастоящего, словно украденного у его жены, но все равно счастья. Надо пользоваться тем, что у тебя есть. А у нее сейчас будет икра и обед в обществе полуобнаженного красавца Володи. Она поняла, что сходит с ума. Что это уже не она, а совершенно другая, испорченная женщина. Маша Игонина любила Лешу, копила деньги на университет и на обед готовила себе борщ и котлеты. Откуда это сильное желание поесть икры? Она закрыла глаза и увидела кубики льда в ведерке, где стояла бутылка шампанского. Воображение сработало и дальше – она снова оказалась в постели с Владимиром.

– Мари!

Она вздрогнула, услышав совсем близко его голос.

- Да...

- Как тебе номер? Эти апартаменты называются «Стравинский». Обрати внимание, окна выходят на Мариинский дворец и памятник Николаю I...

- Не мое это, конечно, дело, но зачем тебе одному такие апартаменты? Тебе что, деньги девать некуда?

- Резонный вопрос. Но эти апартаменты снял не я...

- И кто же? Твоя фирма, в которой ты работаешь? Ты кто, бандит или банкир?

- Я очень болен и скоро умру, - сказал он с улыбкой, как человек, который признается в том, что он инопланетянин и скоро покинет эту планету. - Теперь понятно?

Икры больше не хотелось.

Глава 2

Женя подошла к бару и плеснула себе уже третью порцию водки. Руки у нее перестали трястись, зато задергалось веко. Она мысленно представляла себе, как Шехов ходит по Невскому в поисках девушки, хотя бы отдаленно напоминающей Лену. Двадцатипятилетняя длинноногая блондинка - таких в России хоть пруд пруди. У него должно получиться. Главное, чтобы это не оказалась проститутка, иначе ему несдобровать - его и заразят какой-нибудь гадостью, и выкрадут все деньги. А переспать с девушкой он обязательно должен, как должен убедить ее в том, что она понравилась ему настолько, что он хочет, чтобы она провела с ним несколько дней, пока он будет находиться в Петербурге по делам. Все в гостинице должны знать, что Шехов проживает с женой, Еленой. Вот только непонятно, почему он выбрал самый дорогой номер. От отчаяния? Не верит, что все получится и ему удастся выйти сухим из воды? Хочется перед тюрьмой пожить, как король Иордании? Хотя почему именно Иордании?

Женя подошла к окну. Окна ее московской квартиры выходили на уютный зеленый двор, спрятанный в самом сердце города. В Москве много таких дворов, и все они ухожены. Да только ей ли теперь об этом думать? А о чем думать? О том, что портниха испортила ей платье? Или о том, что хочется есть, а в магазин идти лень? Страх липкой паутиной сковал ее. Она не хотела даже себе признаться в том, что боится выйти из дома.

Она подошла к телефону и набрала привычный номер. Машинально. Вот сейчас возьмут трубку и она услышит тонкий и нежный голосок своей лучшей подруги, Лены Шеховой.

- Привет, - скажет ей Женя.

- Привет, - ответит ей Лена.

- Как жизнь?

- Ничего, а у тебя?

- Нормально.

- Может, встретимся?

- Сегодня не могу, мы с Володей уходим в гости.

У них своя жизнь, полная тайн, чужая жизнь счастливой замужней женщины, и ей, одинокой неудачнице Жене, там делать нечего. Хотя и у нее есть своя жизнь - скучная, полная горечи, как чаша с ядом. Точнее, так было до недавнего времени...

Трубку никто не берет. Да и кто возьмет, если Лены больше нет в живых? Как хотелось, чтобы все то, что произошло, оказалось дурным сном. Но это не сон, иначе Володя давно бы уже позвонил ей и назначил время встречи. Он старается быть пунктуальным, всегда приходит к ней вовремя и все делает по часам. Даже когда занимается любовью. Да, он именно занимается с ней любовью, как занимаются физикой или химией, а вот Лену он любит и не считает минуты, не поглядывает на часы, лаская ее. Хотя теперь ему любить некого, ведь Лены

больше нет. Володя, преуспевающий бизнесмен, молодой банкир, уверенный в себе мужчина, имеющий все, включая преданную ему любовницу, неожиданно стал вдовцом. Осознал ли он сам, что Лены больше нет? И что он сделал с трупом? Он сказал, что так и оставит его в спальном мешке, похоронит в земле где-нибудь за городом. Все друзья и знакомые Шеховых знали, что они собирались провести отпуск в Питере, а жить в гостинице «Астория». Этого хотела Лена, а то, чего она хотела, было для Владимира законом. На отпуск были отложены деньги (даже при больших деньгах они все планировали), хотелось провести его с шиком. Лена, по месяцу, а то и дольше проживавшая в Париже, Вене или в Лондоне у своих знакомых, теперь вот захотела поближе познакомиться с городом-музеем Петербургом. Насмотрелась фильмов и заболела Питером. Собиралась, между прочим, присмотреть там квартиру и обставить ее антикварной мебелью. Обставила, ничего не скажешь...

Женя закурила. Ей не верилось, что Лены больше нет. Лена. У нее, как и у ее мужа Владимира, были большие зеленые глаза – она к тому же еще носила линзы цвета молодой травы. Густые светлые волосы она собирала высоко на затылке и закалывала их массивной серебряной шпилькой. Бездельница, целыми днями валяющаяся на диване с книжками, она имела все: и очень богатого мужа-банкира, и огромную квартиру возле Патриарших Прудов, и ослепительную внешность фотомодели, и полную свободу перемещения в пространстве. Еще... любовника, фантастического...

Владимир, полностью доверяя ей, отпускал ее в любую точку мира на любой срок. Он был очень занятым человеком, и отсутствие жены в доме воспринималось им чуть ли не с благодарностью. Он всегда повторял, что очень любит Лену, но если бы видел ее каждый день, то чувства его к ней непременно поостыли бы. Но все это были лишь слова – Женя знала, что Владимир сильно скучал по своей жене, когда она уезжала. Но он, такой серьезный и занятой мужчина, при всех своих человеческих, мужских и деловых качествах не мог повлиять на решение жены, каким бы абсурдным, по мнению Жени, его любовницы, оно ни было. Лена была абсолютно свободным человеком и держала мужа в постоянном напряжении, давая ему всякий раз понять, что не дорожит им, а если и дорожит, то до поры до времени, и что никто не в силах заставить ее подчиниться кому-либо. И все – и Володя, и Лена, и Женя – знали и понимали, что именно это качество и удерживает Владимира возле жены и не позволяет ему расслабиться. Знай он, что его жена – наседка, клуша, готовая ради собственного благополучия и покоя исполнять все желания мужа и постоянно находящаяся в страхе потерять его, он очень скоро сбежал бы от нее. Ему не интересна была бы такая женщина. И Женя знала об этом. Как знала и то, что,

предложи он ей, Жене, руку и сердце, она сама стала бы тотчас такой наседкой, клушей, над которой смеется ему в угоду. Но что поделать, если это правда? И ей далеко до Лены, ох, как далеко...

Замурлыкал телефон. Она не сразу сообразила, что звонить может только он. Больше некому. За последнее время она растеряла всех своих знакомых, а лучшую подругу и вовсе... Она взяла трубку.

- Да... Слушаю.

- Это я, - услышала она знакомый голос и почти протрезвела. - Слушай меня внимательно: все получилось.

- Получилось?

Не надо было обладать особой фантазией, чтобы представить себе, что могло получиться у красивого молодого мужчины с красивой молодой сучкой в красивом городе Питере.

- Я рада за тебя.

- Ты не так поняла, - голос Владимира дрожал. - Слышишь, ты не так поняла...

- Я все правильно поняла. Сколько ей лет?

- Понятия не имею.

- Откуда она?

- Из какого-то провинциального города.

- Даже не потрудился выяснить, из какого именно?

- Успею.

Ей снова стало нехорошо. «Успею». Конечно, успеет, если будет проводить с ней долгие часы в постели. Он вообще много чего о ней узнает, может, даже влюбится, и тогда зачем ему будет нужна она, Женя? Вернуться-то в Москву он, конечно, вернется, у него здесь банк, бизнес, дела, но Женя... Не получится ли так, что она лишь одним своим видом будет напоминать ему ту, которой теперь нет? Кроме того, у него может возникнуть хроническое чувство страха перед теми, кто начнет свою профессиональную охоту на убийцу, когда обнаружат труп. И как он докажет, что Лену убил не он? Да никак. И он это отлично понимает. Следовательно, нельзя исключать и такой вариант: он перестанет доверять Жене, она же превратится для него в ходячий кошмар. Тем более что она в запальчивости сама угрожала ему...

Обнимая ее по привычке, ему будет казаться, что от нее пахнет полуразложившимся трупом его жены. А при упоминании о спальном мешке его будет тошнить... Конечно, он бросит ее. Тогда зачем ей все это? Может, сразу отказаться от борьбы за Шехова и исчезнуть из Москвы? Ведь дуэль многое определила в ее дальнейшей жизни... Стоп. О ней ни слова... Рассудок. Про чувства надо забыть хотя бы на время, тем более что тот, другой, никуда от нее не денется. И именно рассудок подскажет ей, что невозможно взять и бросить все то, что нажито ею за все годы. Одной страстью сыт не будешь. Привычная жизнь – как много вложено в это понятие. Квартира, комфорт, красивые вещи, уютная дача в Подмосковье и смутная надежда, что она все же станет женой Владимира. Лены нет, а это означает, что главное препятствие к браку устранено. Она должна взять себя в руки и настоять на том, чтобы он исполнил свое обещание и женился на ней. Она родит ему ребенка, и после этого он уже просто не сможет бросить ее. Слишком много будет у него связано в этой жизни с Женей – смерть жены и рождение ребенка.

Она вернулась в реальность:

– Где ты ее нашел?

– На Невском. Поверь мне, это то, что надо.

– В каком смысле?

– Женя, не злись, этот план мы с тобой придумали вместе.

Разве? Вместе... Очень смешно. Он что, забыл, кому изначально принадлежала вся эта затея с поездкой в Питер?!

- Подумай сама, - не унимался он, - разве она поверила бы в то, что я увлекся ею, если бы не попытался переспать с ней? Это было бы противоестественным, вот тогда она точно что-нибудь заподозрила бы.

- Да я понимаю, просто не хочется думать, что ты проводишь время с другой женщиной. Надеюсь, она не так хороша, как Лена?

- Она не похожа на нее, да и как за несколько часов можно найти на улице женщину, напоминающую жену? Это нереально.

- Она хотя бы блондинка?

- Само собой.

- Высокая?

- Да, высокая, стройная, но ты не загоняйся и не ревнуй. Ты же знаешь, что, как только все закончится, я вернусь к тебе.

- Ты женишься на мне, Шехов?

- Конечно.

- А ты не выдашь меня?

- Мы не должны бояться друг друга.

- Да, это ты верно сказал. Значит, и ты боишься меня?

- Да, боюсь, и ты сама хотела этого, когда бросалась такими словами, - ответил он нервно, и она поняла, что этот разговор начинает тяготить его. - Я тебе перезвоню позже. Она с минуты на минуту выйдет из ванной.

- Смотри, чтобы она случайно не подслушала наши разговоры... Да, кстати, как ты объяснил ей, что поселился в самом дорогом номере гостиницы?
- Я сказал, что у меня рак, что я обречен...
- Да-а... Теперь ваши отношения примут совершенно другой характер...
- Успокойся. Романтикой пока еще не пахнет. Пусть она меня пожалеет. Главное - прожить здесь недельку. Нарисоваться перед персоналом на всякий случай.
- Но ведь экспертиза докажет, что смерть наступила гораздо раньше, нежели ты поселился с женой в «Астории»...
- Будем надеяться, что труп не найдут. А если и найдут, то я не опознаю его...
- Ты еще туда вернешься?
- Куда?
- Туда, где закопал его?
- Не знаю. Может быть. Но лишь для того, чтобы быть уверенным в том, что то место не разрыли. Да и кому нужно копать там? Это глухой лес... Черт... Передайте ему, что, если он не найдет эти договора, я его уволю. Черт знает что... Позвоните мне.

Последние слова предназначались явно для ушей незнакомки, которая должна была с этого дня играть роль его жены. Послышались короткие гудки, Женя отключила телефон. Затем, улыбнувшись пьяной улыбкой, в который уже раз набрала номер мобильного телефона покойной Лены Шеховой. Послышались длинные гудки. Она знала, что трубка похоронена вместе с телом Лены в спальном мешке. Она даже представила себе, как ее звонок раздастся в глубине смердящего спального мешка. Звонок слышен под землей... А что, если именно в эту минуту мимо холмика в лесу кто-то проходит?.. Услышит мелодию мобильного телефона, остановится, посмотрит на свежевскопанную землю и подумает: а вот и чья-то могила, кто-то кого-то убил...

– Слушаю, – донеслось из преисподней. (Удивительно, но телефон почему-то не разрядился!) – Кто это?

Это была Лена. Ее голос.

– Женька, это ты? Ты где? – звенел ее высокий и, как показалось Жене, счастливый голос.

Она отшвырнула от себя телефон и бросилась в ванную – ее вырвало.

Глава 3

Все было испорчено одной фразой. Проводить время в роскошном номере гостиницы с умирающим – занятие не из приятных. Все равно что спать с мертвецом. Но и обидеть больного человека было совестно. Маше показалось, что даже цветы в вазе запахли лекарствами.

Она находилась здесь уже несколько часов. После сытного и вкусного обеда ее мозги стали соображать лучше, а чувства отступили на второй план. Она стала подумывать о том, как бы смыться отсюда. Но только так, чтобы не оскорбить Владимира, чтобы он не догадался, что она брезгает ложиться с ним в постель.

– Твоя жена знает, что ты болен?

– Да, она все знает.

– И все равно уехала?

– У нее давно уже своя жизнь... – Он отмахнулся, как если бы напоминание о жене доставило ему физическую боль. Даже лицо его, такое красивое и заметно побледневшее, как показалось Маше, приняло страдальческое выражение. – Кстати, о жене...

– Только не говори мне, что она может заявиться сюда в любую минуту. – Маша даже сделала несколько порывистых движений, демонстрирующих готовность быстро собраться и уйти.

– Да нет, успокойся, она сюда не приедет. Дело не в этом. Просто в Питере у меня много знакомых, они... Даже не знаю, как тебе сказать... Словом, они должны знать, что я останавливался здесь вместе с женой.

– Но разве им не все равно, с кем ты тут живешь? Или твоя жена имеет непосредственное отношение к твоему бизнесу?

– Я знал, знал, что этот разговор должен когда-нибудь произойти, но не знал, как тебе все объяснить.

– Говори прямо, как если бы я была не твоей любовницей, а деловым партнером. Я не люблю тебя, ты не любишь меня, мы встретились на Невском, пришли в номер, переспали, получили определенную долю наслаждения, разве что ты не заплатил мне, как проститутке...

– Не злись.

Но она уже успела смахнуть несколько слезинок. Она знала, чувствовала с самого начала, что здесь что-то не так. Страсть страстью, но на ее месте могла бы оказаться любая другая женщина. Ему нужно продемонстрировать перед кем-то, кого она не знает и, возможно, никогда не узнает, что он живет в гостинице со своей женой. Наверно, так надо для бизнеса, а может, и для чего-то другого, о чем она тоже пока не догадывается.

– Я должна сыграть роль твоей жены?

– Ты на редкость догадлива. Меня скоро не будет, бизнес перейдет к вдове.

– Ты так спокойно говоришь о своей смерти.

– А что еще остается делать? Я уже три месяца привыкаю к мысли, что меня не будет, а все вокруг останется...

- Ты захотел просто пожить в этом дорогом номере... или же собираешься умереть здесь?

- Да.

Маше стало не по себе. Она уже и сама не знала, злиться на него или пожалеть и стать для него последним человеком, которого он увидит перед своей смертью. А ведь как романтично все начиналось...

- Хорошо, я помогу тебе.

«Поживу в роскоши, - подумалось ей, - больше ничего не остается. Все равно никто и никогда не поверит, что я жила в „Астории“».

- Лучше, если ты никому ничего не расскажешь. Ты можешь мне это пообещать?

- Ладно, заматано. Но только спать с тобой я не смогу, извини.

В сущности, она сказала то, что думала. Но на душе стало как-то сразу гадко, скверно и тяжело.

- Ты сейчас уйдешь?

- Да, у меня здесь дела. Надо кое с кем встретиться...

- Так ведь скоро ночь...

- Сейчас белые ночи. Человек, к которому я поеду, приехал сюда только ради меня. Он будет консультировать Лену в делах после того, как я умру.

- Давай так. Пожалуйста, не произноси слова, связанные со смертью. Иначе я брошу тебя. У меня отпуск, я не хотела бы, чтобы мне постоянно напоминали о том, что все мы когда-нибудь умрем. И ты старайся жить так, как если бы ничего страшного с тобой не случилось.

Он кисло улыбнулся.

- Ты уйдешь, а я? Что делать мне? Я же здесь со скуки помру...

- Заметь, ты первая сказала о смерти...

- Вырвалось нечаянно. Я тоже отправлюсь куда-нибудь погулять, идет?

- Конечно. Сейчас ты переоденешься в одно из платьев моей жены, и мы вместе спустимся вниз. Пусть все видят, что мы с тобой вместе. Согласись, задача не из самых трудных. Ты получишь на карманные расходы пачку долларов и отправишься просаживать их в каком-нибудь баре. Согласна?

- На пачку долларов - да, на бар - нет. Когда мне подойти к гостинице?

- К часу ночи, не раньше. Погуляешь где-нибудь?

- Не вопрос. Только непонятно, зачем мне надевать вещи твоей жены.

- Это стильно, это модно, это дорого, наконец.

- И где ее одежда?

- В шкафу, в спальне.

Маша открыла шкаф. Два брючных костюма - светлый и темный, джинсы, куртка, черное короткое платье, туфли, ботинки, сандалии...

- Ночью будет прохладно, надень джинсы, куртку, здесь на полке увидишь несколько блузок и кофт. Сообрази, что подойдет больше. С джинсами Лена носила зеленую водолазку.

Через некоторое время Маша смотрелась в зеркало и находила себя весьма привлекательной. Владимир отсчитал ей тысячу долларов:

- Ну что, до встречи?

- Ладно, пошли...

Они спустились вниз. Она видела, как ее новоиспеченный любовник о чем-то беседует со служащим в ливрее. Рисуется, подумала она, чтобы их запомнили вместе.

Затем к Владимиру подошел какой-то человек, поздоровался так, как если бы они были знакомы.

- Да, подгоните машину ко входу...

Да у него, оказывается, здесь машина? Или же он взял ее напрокат?

Они вышли вместе разве что не под ручку. У парадного стоял черный новенький «Мерседес».

- Садись, - кивнул ей Владимир. - Сейчас отъедем, и я высажу тебя за углом...

Она села в машину на заднее сиденье. Рядом лежала мужская кожаная куртка. Рука ее скользнула в карман и достала чистый носовой платок и маленькую записную книжку. Быстро полистав ее, она поняла, что и книжка, и куртка принадлежат Шехову Владимиру Владимировичу. Нашла она и страничку на букву Ш, где увидела строчку «Шехова Елена Андреевна» с номером мобильного телефона. Понимая, что через пару минут ее вытряхнут из машины, она решила прихватить с собой записную книжку. На время.

- Все, приехали. Выходи. Смотри, как светло... Я очень надеюсь, что ты не бросишь меня и не сбежишь с теми деньгами, которые я тебе дал?

- Обижаешь.

- Значит, встречаемся на этом же месте ровно в час, договорились?

- Договорились.

Она обошла машину и, сунув голову в окно, поцеловала Шехова в щеку.

- А что со мной будет, если я все же не вернусь? Ты будешь искать мне замену?

Он ничего не сказал.

- Ладно, я пошутила...

Он уехал, а Маша осталась стоять на Невском проспекте. Она не знала, куда идти и что делать. Можно было, конечно, на все плюнуть и вернуться в свою гостиницу, тем более что ее бы там никогда и ни за что не нашли. Но, с другой стороны, пока она была в ванной комнате, Владимир мог залезть в ее сумочку и в паспорте прочесть, кто она и откуда. Но зачем ему это, если он все равно скоро умрет? И что за игру он затеял перед смертью? Решил последние несколько дней или месяцев посвятить устройству своих дел, чтобы весь его бизнес перешел в руки жены? Разве это не противоестественно, если учесть, что она вместо того, чтобы находиться рядом с больным мужем, укатила в Африку? Чужая душа - потемки. Чужая жизнь - еще большие потемки, почти ночь. А вот в Питере в июне ночь белая, ясная, прозрачная. И вообще - жизнь продолжается. У нее в сумочке тысяча баксов.

Постояв немного возле кинотеатра «Баррикада» и решив, что не готова сейчас зайти в него, она перешла Мойку по Зеленому мосту и оказалась на знакомом уже месте - возле розового Строгановского дворца с его шоколадным сторожем. Перейдя на другую сторону, запетляла по улочкам в поисках какого-нибудь тихого места. Она не знала, куда идет, но теперь точно знала зачем - убивать время. Но убивать время в одиночку было скучно. Оставалось найти еще одного Владимира со своими заморочками, женами, банками, смертями... Ну уж нет, у богатых свои причуды. И тут она заметила у киоска, торгующего сигаретами, парня в джинсах и с маленьким рюкзачком на плече. Русые длинные кудри, веселые мальчишеские глаза, светлые усы и розовые припухшие губы.

- Слушай, ты не разменяешь сотню баксов? - спросила Маша, когда парень отошел от киоска.

- Ты что, откуда у бедного студента такие деньги?

- Ты случайно не музыкант?

- Откуда ты знаешь? - Он расплылся в улыбке. - У меня что, на лбу написано?

- Ну... кудри вразлет, в ухе – серебряная серьга, денег нет, одухотворенное лицо... Музыкант, одним словом.

- Вообще-то я на саксофоне играю, подрабатываю на Невском днем... Но сейчас уже поздно, да и устал я.

- Где же твой саксофон?

- У приятеля оставил, чтобы завтра не тащить его через весь город... А ты, наверное, приехала на Эрмитаж поглазеть?

- Ну да...

- Не стоит, правду тебе говорю. Если хочешь, я тебе в двух словах расскажу, что там.

- Ну да?

- У тебя лексикончик хромает, ты, кроме «ну да», что-нибудь еще говорить умеешь?

- Ну да.

Они расхохотались.

- Ты питерский?

- Питерский, коренной.

- Тогда подскажи, где я могу убить... – она посмотрела на часы, – почти четыре часа.

- Это смотря как ты собираешься их убивать.

- Чтобы было весело, шумно и безопасно.

- Я знаю одно такое место. Клуб. Ты пиво любишь?

- Ну да.

- Ты смешная. Пойдем? Там и доллары разменяем. Тебя как звать-то?

- Маша, а тебя?

- Фаусто Папетти. Шутка. Меня зовут Миша.

- А это далеко?

Но он вместо ответа взял ее за руку и повел. Совсем как утром ее повел Владимир. Она выдернула руку.

- Ты чего? Боишься меня, что ли?

- Ну да.

Глава 4

Отъехав на машине подальше, чтобы Маша не смогла его заметить, Владимир припарковал машину и достал телефон.

- Женя? Это я. Думаю, я совершил ошибку. Сказал ей, что у меня смертельная болезнь, что я должен скоро умереть.

- Это я уже слышала, только не поняла, зачем тебе это.

- Чтобы вызвать в ней жалость и чтобы она не бросила меня раньше времени. Знаешь, она идеально подходит на роль Лены. Когда она надела ее джинсы и зеленую водолазку, ты помнишь эту водолазку, распустила волосы, потрянула ими совсем как Лена, потом собрала их в узел и заколола на затылке, у меня аж сердце защемило. Знаешь, мне до сих пор не верится, что ее нет...

– Мне тоже.

– Я бы отдал все на свете, чтобы только это оказалось сном. Ленки нет, представляешь? И все из-за вашей бабьей дурасти. Я не знаю, кто подсунул ей эту книгу, кто так сильно повлиял на нее... А ты-то, где были твои хваленые мозги? Ты же у меня умница-девочка, Женька! Ты хотя бы соображаешь, что натворила?

– Будешь давить на меня – пойду и во всем признаюсь.

– Ты все врешь, Женечка. Ты не признаешься, а свалишь все на меня, тем более что это в моем багажнике находилось ее тело... Там и кровь натекла... Ты бы видела, что с ней, с Ленкой, стало...

– А ты что, расстегивал спальник?

– Нет, но тело начало разлагаться... Когда я открыл багажник, мне в нос ударил такой запах... Я влип по самые, что называется, помидоры...

– Я тебя не выдам, ты должен мне верить. Ты жалеешь, что вызвался мне помочь?

– Понимаешь, вы обе мне были одинаково дороги. Ленка все же была моей женой, и я по-своему любил ее.

– Но она же моталась всюду, ее почти никогда не было дома. Ты сам говорил, что хочешь ребенка, семью, пеленки-распашонки, чтобы в квартире были слышны детские голоса, а по полу разбросаны игрушки... Разве ты не понимал, что с Ленкой у тебя такого никогда не будет?

– Понимал. Но что с того? Когда она возвращалась, я так радовался...

– А я? Как ты относился ко мне все эти годы, что мы с ней делили тебя?

– Я и тебя любил.

- А сейчас? Уже не любишь?

- Люблю. Теперь ты для меня самый близкий человек.

- Это только потому, что ты боишься меня? Боишься, что я все свалю на тебя?

- Нет, не надо так думать и говорить. Главное, чтобы ее никто не нашел. Если бы ты знала, как мне было страшно везти ее... Меня же могли остановить в любую минуту. Открыли бы багажник, а там - спальник с трупом.

- Ты всегда был рискованым человеком.

- Какое странное слово... рискованый...

- Чем ты сейчас занимаешься?

- Взял тайм-аут. Не мог больше находиться в номере, мне надо было с кем-то поговорить о том, что меня мучает. Я заставил ее надеть одежду Лены и отправил гулять до часа ночи. Теперь вот мне самому надо где-то убить время.

- Пойди в какой-нибудь ресторан, напейся, расслабься.

- Так, наверное, и сделаю.

- Сколько дней собираешься пробыть там?

- Я оплатил номер до десятого включительно. Не представляю, что буду делать все это время в Питере. Ты будешь звонить в гостиницу, как договаривались?

- Да, только дай мне номер...

- Записывай... - Он продиктовал ей номер телефона. - Постарайся звонить при свидетелях, задавай какие-нибудь глупые бабские вопросы про тряпки, музеи, косметику... Лена же была помешана на косметике. Нужно, чтобы твоя беседа со стороны выглядела естественной.

- А что, если трубку возьмет эта...

- Машка? Говори с ней. Я предупрежу ее.

- Тебе не кажется, что наш план изначально обречен... - вдруг услышал он, и от этого у него даже плечи опустились. Он вдруг понял, как устал, как безумно устал и не в состоянии уже теперь что-либо изменить. Все запуталось в слишком сложный узел, который не развязать, а только разрубить... Труп уже в лесу... Он поселил с собой девушку, отдаленно смахивающую на Лену, - зачем? Чтобы у него было алиби? Вот, мол, они жили вдвоем, следовательно, он не мог убить ее... И вообще там, в спальнике, труп совершенно другой женщины... А Лена - вот она. И он покажет на Машку. А как же их московское окружение? Нет, нет и еще раз нет - труп никто не найдет!!! Он перепрячет его, другого выхода нет.

- Я перепрячу мешок. Вот прямо сейчас поеду и перепрячу.

- Уже ночь...

- Здесь белые ночи.

- Не советую появляться там вообще... Забудь, где зарыл тело.

- Уже поздно...

- Да, я понимаю, мы оба находились в шоке - и ты, и я... Мы плохо соображали, когда решили переправить труп в Питер. Подальше от Москвы. А может, мы были правы? Время покажет. Только знай - ее убила я, понимаешь? И ты не должен бояться меня. Ты просто помогал мне...

- Значит, я - соучастник. Тем более что некоторые наши знакомые подозревают, что мы с тобой...

- Знаю.

- У тебя пьяный голос.

- Это потому, что я пью. Тебе советую тоже напиться и немного поспать без мыслей. У тебя же бессонница?
- Да, у меня бессонница. Я люблю тебя.
- Я тоже.
- Ленку жалко.
- Знаешь, хотела тебе что-то сказать... Наш мозг играет с нами такие злые шутки... Словом, я решила позвонить ей...
- Кому?
- Ленке.
- Ты что?! Зачем?
- Ты сказал, что похоронил ее телефон вместе с ней. Так?
- Да.
- Ты уверен в этом?
- Да.
- Тогда он должен был разрядиться. Но он не разрядился. И Ленка разговаривала со мной как живая.
- Это водка. Успокойся.
- Ладно. Но я совсем недавно говорила с ней...
- О чем?

- Ни о чем.

- Понятно... Это все?

- Все.

- Я тебе позвоню.

Он отключил телефон и набрал номер своей покойной жены.

- Алло? Володя? Это ты? - услышал он ее голос.

- Да, это я, - его затошнило.

- Ты где сейчас? Не можешь за мной заехать?

- А ты где?

- Знаешь, такой маленький магазинчик, парфюмерный... Неподалеку от Поварской улицы...

- Что ты там делаешь? - Ему не хватало воздуха.

- Володя, не смей меня... Ну что я могу делать в таком магазине? Духи покупаю, конечно, еще карандаш для губ... Тебе это неинтересно. Так ты заедешь за мной?

- Хорошо, я заеду...

Он отключил телефон, хотел достать носовой платок, но вспомнил, что он остался в куртке, и вытер пот со лба рукавом. Чертовщина какая-то.

Семен накрывал на стол на веранде, когда увидел спускавшуюся по лестнице Лену. Сегодня она выглядела не такой бледной, как пару дней тому назад, когда он принес ее почти бездыханное тело к себе в дом. В тот момент, когда пуля настигла ее и она, вскрикнув, упала навзничь, а на светлом шелковом плаще ее в области груди стало быстро увеличиваться кровавое пятно, он и сам сначала поверил, что она мертва. Но, бросившись к ней и схватив за руку, он почувствовал пульс, еще вполне нормальный, который, однако, угасал с каждой секундой. Конечно, он на правах дипломированного врача с трагическим выражением на лице заявил, что она мертва. Ведь только после своей смерти Лена могла принадлежать лишь ему. Это входило в его план, его дьявольский план, которого он и сам боялся. К счастью, ему поверили.

– Я предупреждал вас! – крикнул он, обращаясь к убийце, и его голос не хуже выстрела разорвал жуткую тишину примолкнувшего леса. – Предупреждал, что это закончится кровью, смертью... Что вы теперь намерены делать?

Но вопрос был явно риторическим, поскольку он сам лучше других знал, что именно надо делать в этом случае. Единственное, что угнетало его в тот момент, – это сознание собственного бессилия, редкое чувство, которое практически не посещало его. Он так и не понял, почему у него не получилось помешать им. Мощное ощущение рока словно сковало его, и он смотрел, как поднимается рука с заряженным пистолетом... Одна рука и вторая... Бессилие, с одной стороны, предусмотрительность – с другой, это-то его всегда и выручало.

Дуры бабы, стреляться не умеют...

Неужели провидению было угодно, чтобы состоялось это смертоубийство?

– У меня в доме есть спальный мешок. Я уложу ее туда, а вы должны сделать все возможное, чтобы труп не нашли. Мне не нужны осложнения. И если вы не сделаете так, как я скажу вам, у вас будут большие неприятности. Я достану вас не только в тюрьме, но и в преисподней... Вы убили человека... Чего ради? – Он с чувством сплюнул и сжал кулаки. – Я ненавижу вас. И лишь здравый смысл подсказывает мне, что следует забыть все то, что произошло здесь сейчас...

– Семен Львович, вы будете молчать? Ведь будете?!

Он посмотрел на нее и горько усмехнулся. Время шло, ему нельзя было медлить – Лена могла умереть... Ей следовало немедленно оказать помощь.

– Как будто у меня есть выбор, – раздраженно бросил он, боясь показаться суевливым. – Да, конечно. Никому не пойдет на пользу, если ее труп найдут тут, в лесу, рядом с моей дачей.

– А что делать с пистолетами?

– Это я тоже возьму на себя. Вам следует немедленно позвонить ее мужу и сообщить о случившемся. Он сам позаботится и о вас, и о ней. Советую отвезти тело подальше отсюда... Кажется, они собирались в Питер... Вот пусть он и отвезет труп в Питер и сделает так, чтобы его не нашли. И если он не совсем дурак, то пусть пораскинет мозгами, как представить окружающим его людям, что Лена жива.

– Как это?

– Проще простого. Он должен поселиться в Питере, в самом дорогом отеле, скажем в «Астории», вместе с женщиной, хотя бы отдаленно напоминающей Елену. Время в этом случае будет работать на него. Лена будет жива, понятно?

...Он едва дождался, когда останется в лесу один, не считая распростертого на земле тела. Он подхватил Лену, еще дышащую, и понес в дом. Доктор Шостак, хирург, был уже там. Они до последнего не верили, что дуэль произойдет, что дуэлянтки, мать их, решатся на это... Дуры! Они, взрослые мужики, многое повидавшие на своем веку, не верили, что такое возможно.

– Какое счастье, что я подстраховался, – суетился Семен, глядя, как Шостак распахивает плащ и разрезает мокрую от крови одежду на груди бледнеющей на глазах Елены. – И все же я должен... должен был предотвратить это несчастье. Бабы дуры, чего еще тут сказать, а, Ефим?!

– Будем надеяться, что сердце не задето, – сказал, обливаясь потом от нервного напряжения и великой ответственности, которую возложил на него Семен, Шостак. Дрожащими руками он достал из кармана круглые очки в золоченой оправе и надел их. – Я сначала не поверил, что такое может быть, но на всякий случай прихватил с собой необходимые инструменты... Ах, бедняжка... Крови

теряет очень много. На-ка, держи ее плащ... И принеси из машины систему, там же, на сиденье, коробка, в ней кровь... Я спасу твою красавицу... Как же я хорошо понимаю тебя, Семен.

Семен все принес и, сказав, что ему нужно срочно принять сердечные капли, вышел из комнаты. Он почему-то был уверен, что Лену спасут. Он откуда-то знал это. Как знал и то, что оранжевый спальный мешок, купленный им накануне, непременно сослужит ему хорошую службу. Спальник должен совершить большое путешествие, и от того, как оно закончится, будет зависеть жизнь и судьба Шехова, мужа Лены. Если справится он с этой задачей, останется жить, да и Семен не будет его трогать. Если же нет – пусть пеняет на себя. Он ослеп, зарвался, потерял контроль над своими мыслями и чувствами. В сущности, он сделал все, чтобы потерять жену. И какую жену...

Он отправился в подвал...

– Лена? Ты зачем встала? – Он подошел, чтобы помочь ей преодолеть последние ступеньки. – Ты настолько окрепла, что можешь ходить?

– Нет, Семен, чувствую себя ужасно, голова кружится, но и лежать больше не могу... У меня в голове такая каша...

– Каша у меня в кастрюле, я приготовил ее специально для тебя.

– Семен... Мне ли сейчас до каши?

– Тебе надо кушать, Лена.

– Семен, ты вчера рассказал мне, что сделал со спальным мешком... Это правда, что вместо меня ты положил туда камни и одеяла? – Она поморщилась от боли. – Возможно ли это? Или мне все это приснилось?

– Да, Лена, правда, тебе это не приснилось.

– И всю эту конструкцию ты одел в мой плащ, а на том месте, где должна быть голова, обмотал камень моей шелковой косынкой?

- Да, Лена...

- Зачем ты это сделал?

- Чтобы тебя забыли.

- Семен... - Она оперлась на его руку и села за стол. Он тотчас поставил перед ней тарелку с кашей.

- Там изюм и орехи. Ешь.

Ему было пятьдесят пять, но выглядел он значительно моложе. Худощавый, крепкий. Черные с проседью волнистые волосы, крупный нос, полные губы, узкие плечи - обаятельный, умный еврей, знающий ответы на все вопросы. С ним и легко, и сложно одновременно. Прекрасный любовник, изучивший ее тело до волоска, до зрачка, до крохотной родинки на груди...

- Твой муж, вместо того чтобы забить тревогу и вызвать милицию, погрузил спальник с твоим трупом в багажник и повез в Питер... Как тебе?..

- Откуда тебе знать, куда он его повез?

- Я сам подсказал...

- Семен... - Лена принялась зачем-то нервно массировать крепко забинтованную грудь. По щекам ее катились слезы. - В это невозможно поверить...

- Ты сама все это придумала. Сама. Ты лишилась рассудка из-за страсти, теперь-то ты хотя бы осознаешь это? И все ради кого? Ни один мужчина не стоит этого...

- Хватит об этом. Свое я уже получила. Ты мне скажи, все то, что ты рассказал мне о спальнике, о том, чем ты заменил... мое тело... Ты смеешься надо мной. Камни, одеяла... Семен, ты хочешь свести меня с ума...

– Я же знал, что спальник будут укладывать в багажник, не на себе же его понесут, потому и сложил все это таким образом, чтобы тело приняло естественное полусогнутое положение, при котором оно могло бы поместиться в багажник. Все, даже твой муж, знают, что тело деревенеет...

– Меня сейчас стошнит...

– От такой каши ты только поправишься. Ешь, Леночка...

– А если бы он раскрыл мешок, потянул за «молнию»?

– Он увидел бы очертания головы, нечто, завернутое в шелковый платок. Посуди сама, разве он мог предположить, что вместо тебя в мешке окажутся камни?..

– Семен, да прекрати же ты, я не могу этого слышать!..

– Твой муж не захотел даже взглянуть на тебя. Ты больше не нужна ему, пойми же это наконец. Ты сделала свою работу, превратила это ничтожество в человека, а он вместо благодарности стал спать с твоей лучшей подругой...

– Мужчину невозможно удержать, если его тянет к другой женщине. Вы все так устроены. А ты, Семен, разве не изменял своей жене, когда она была жива?

– Я любил и Соню, и тебя. Мне трудно это объяснить, но это были разные чувства, хотя и одинаково сильные. С Соней я прожил много лет, она стала мне родным человеком, а ты... ты – совсем другое дело. Тебя я полюбил, когда ты была еще девочкой. Но я не мог жениться на тебе, мне надо было оставаться с Соней, она же тяжело болела, ты знаешь...

– Ладно, Семен, не вспоминай. Я знаю, как тебе больно.

– Я увезу тебя отсюда, у тебя будет другое имя, и никто не узнает о том, что ты жива.

– Ты никогда не уедешь из Москвы, зачем обманываешь и запутываешь меня еще больше? К тому же ты знаешь, что держит меня здесь... Я не смогу без него...

– Блажь! – взвился он. – Это блажь, это не любовь, это даже и не страсть. Ты не животное, Лена, ты не должна больше видаться с ним...

– Я слишком дорого заплатила за право быть с ним, чтобы отказываться... А ты, Семен, не животное? Ты и сейчас смотришь на меня, всю забинтованную, и думаешь о том, как бы...

– Да, ты права, – его рука скользнула ей под рубашку, – я только об этом и думаю. Весь мир крутится вокруг женщины, не я первый и не я последний. Да и еще раз да, ты права, когда тебя нет и я знаю, что ты с другим, меня охватывает такая тоска, что я готов выть... Но ты приезжаешь ко мне сюда, и я знаю, зачем мне жить дальше, зачем манипулировать людьми и играть с ними в большой бизнес. Я знаю, наконец, для кого зарабатываю деньги. Я все это делаю ради тебя.

– Но ведь я никогда не обещала тебе, что буду с тобой и тем более что выйду за тебя замуж. Ты знаешь, с тобой я не из-за денег. Не ты, так кто-то другой даст их мне...

– Я знаю, тебе нравится так говорить мужчинам... В этом твоя сила, но без денег ты уже не сможешь... Что же касается твоего замужества – тебе необязательно становиться моей женой. Но ты должна жить со мной, я хочу видеть тебя каждый день. Ради этого я спасал тебя...

– Ради себя, Семен, ты спасал меня.

Она отодвинула от себя тарелку с остатками каши.

– Я приготовил тебе клубнику со сливками.

– Но я не могу больше есть.

– Ты измучила меня, Лена.

Она закрыла глаза и увидела синее небо – это была последняя картинка, которая отпечаталась в ее сознании перед тем, как она услышала выстрел и что-то огненное разорвало ее грудь...

– Я понимаю, любой бы на их месте попытался представить себе это как несчастный случай... Но зачем ему везти спальник в Питер? Какой в этом смысл?

– Подальше от Москвы... – Он коротко изложил ей план, по которому действовали теперь Шехов и его любовница. – План абсурдный с самого начала и до конца, но они последовали ему. Они оба потеряли способность думать, и это самое страшное. Я уже давно пожалел, что отдал ему банк... Что же касается этой парочки – они могут теперь только подчиняться. Мое слово для них – закон. Шехов должен уйти, пойми. Его мозг атрофировался. К тому же он начал пить.

– Неправда, он не пьет.

– Ты слишком мало бывала дома, чтобы утверждать это. Встряхнись, постарайся взглянуть на своего мужа со стороны... Его любовница звонит ему и говорит, что убила тебя, то есть его жену. Тебе объяснить на пальцах, как должен был поступить муж?

– Вызвать милицию и отдать Женьку в лапы прокуратуры...

– Правильно. Но вместо этого тебя заруют в пригороде Питера, как собаку. Твое тело утонет в болоте...

– Ты жестокий, Семен.

– Нет, я добрый, терпеливый и ласковый.

Он придвинул стул и сел рядом с ней. Положил ей голову на колени.

– Семен любит тебя и прощает.

Лена вспомнила, как еще недавно на ее коленях лежала голова другого мужчины, и кровь прилила к ее щекам. Она вдруг остро почувствовала всю радость жизни, которую подарил ей Семен, и в порыве благодарности склонилась и поцеловала его в лоб.

– Я скоро поправлюсь, Семен, и постараюсь понять и принять все те истины, которые пока еще не доходят до меня... Пойми и ты: это я – маркиза де Нель...

Это я все затеяла, это моя вина...

- Я знаю. - Он поднялся, обнял ее и поцеловал.

Глава 6

Маша спустилась за Мишей в какой-то подвал, они оказались в небольшом задымленном зале, где гремела музыка и пахло марихуаной.

- Ты что будешь пить?

- А что есть?

- Мартини, к примеру, или можешь заказать какой-нибудь коктейль! - прокричал ей на ухо Миша. - Можно покрепче, а можно просто сухое вино или пиво!

- Тогда на твое усмотрение.

Они протиснулись в самый угол и заняли крохотный столик возле круглого оконца с ярким витражом. К ним почти сразу подошла девушка во всем черном и, приветливо кивнув Мише, как старому знакомому, приняла заказ.

- Только у нас баксы, - сказал он.

- Не проблема, - улыбнулась девушка и скрылась в толпе.

- Надеюсь, ты не обиделась? Но у меня действительно нет денег. Сегодня мало заработал, а мне завтра квартиру оплачивать.

- Ты же сказал, что живешь здесь, в Питере!.. - Она тоже кричала, чтобы он услышал ее сквозь грохот музыки.

- Я от родителей ушел. Дома были постоянно скандалы, мои родители то разводятся, то снова сходятся... Кричат, орут, пытаются что-то доказать друг

другу, а по-моему, они просто устали, и им действительно надо пожить отдельно. Хотя они уже так привыкли друг к другу... Это ничего, что я так грузю тебя своими проблемами?

- Да нет, ничего, я же сама тебя спросила. И где же ты снимаешь комнату? В коммуналке?

- Да. Квартиру я не потяну, хотя хочется, конечно, жить отдельно. Но у меня большая комната, уютная, да и соседи золотые, понимают, что мне заниматься надо...

- И ты играешь целыми днями на саксофоне?

- Представь себе.

- Не думаю, что соседям это нравится. Не понимаю, как они это терпят.

- Привыкли уже за полгода. К тому же я время от времени сижу с их маленьким ребенком. Посажу пацана в манеж и играю часами, а он слушает.

Им принесли коктейли. Маша свой выпила залпом и закусила ломтиком лимона. Уже через несколько минут она почувствовала, как колени ее ослабли, а в голове зашумело, взгляд поплыл поверх голов осатаневшего от музыки, алкоголя и наркотиков молодняка.

- Слушай, ты часто здесь бываешь? По-моему, место гиблое...

- Да нет, кто не хочет курить, не закурит. Тут разные люди попадают. Раньше я приходил сюда со своей девчонкой, но она теперь лечится... наркоманка...

- А ты?

- Я - нет. У меня планы. Закончу консерваторию и уеду отсюда куда подальше. Музыканты везде нужны. А ты чем занимаешься?

- В отпуске. Приехала из глубинки, так сказать, посмотреть город. Сегодня на Невском встретила одного мужчину, мы с ним прокатились на экскурсионном

катере, а потом он пригласил меня к себе...

- И ты пошла? Он кто? Это очень опасно...

- Я не знаю, кто он, наверное, банкир, потому что очень богатый. Снимает номер в «Астории», апартаменты «Стравинский»...

- Ты все это придумываешь на ходу? - с недоверием спросил ее Миша. - Ты хотя бы знаешь, сколько это стоит?

- Я все знаю... - И она в двух словах рассказала ему о предложении, которое сделал ей Шехов.

Миша даже присвистнул.

- Послушай, я не советую тебе возвращаться туда. Подумай сама, зачем ты ему?

- Я же тебе все рассказала...

- Сначала он говорит тебе, что его жена - полная противоположность тебе, внешне похожа на Шер. А потом вдруг просит тебя сыграть роль его жены, с которой вы, оказывается, похожи.

- Да нет, с Шер все понятно. Он так сказал в самом начале, чтобы охмурить меня, чтобы я не думала, что он предпочитает женщин, похожих на его жену. Это психология. А уж потом, когда я переспала с ним, он решил раскрыть все карты и просто предложил мне заработать, а заодно и пожить в таком шикарном номере. Вот, собственно, и все.

- А ты не подумала, почему он это делает?

- Да вроде все и так ясно. Он болен, собирается оставить свой бизнес жене, хочет, чтобы все окружающие... Так, подожди, я что-то и сама не совсем понимаю, какое ему дело до окружающих... Хочет пустить пыль в глаза - мол, у них все замечательно, стабильно, они живут вместе.

– Ну и что? Если он умрет, его дело все равно достанется его жене, если он этого только захочет. О каких окружающих может идти речь, если он поселился в «Астории»? Он что же, думает, что все его друзья повалят в эту гостиницу, чтобы убедиться в том, что он живет там со своей женой? Это же полный бред. Кому какое дело, кто с кем живет и насколько прочен брак? Ему нужно алиби...

– Алиби? Для кого?

– Для жены. Ее нет, понимаешь? А вещи ее ты сама видела в шкафу, так?

– Так, да на мне ее одежда, я же говорила... И эта куртка, и даже джинсы с водолазкой.

– Вот теперь и пораскинь мозгами, где может в это время быть его жена?

– В Африке.

– Да пришел он свою жену, вот что я тебе скажу. А ты ему нужна, чтобы потом, если труп обнаружится, персонал гостиницы подтвердил, что он жил здесь со своей женой, а труп принадлежит совершенно другой женщине. Или что-нибудь в этом духе...

– Ты что, криминальных романов начитался? Алиби... трупы... Ты бы видел его – он сущий ангел. Красивый молодой мужчина, очень обаятельный. Богатый. Зачем ему убивать свою жену?

– Мало ли...

– И что ты предлагаешь?

– Дергать от него.

– Но я же деньги взяла.

– Верни, извинись, скажи, что встретила другого парня... Переночуешь сегодня у меня, а завтра, если захочешь, вернешься в свою гостиницу, придешь в себя, можешь еще немного походить по музеям и – ту-ту! – домой!

- Ты хочешь сказать, что Шехов не болен?

- А ты вспомни, как у вас все было... в постели...

- Отлично, и вспоминать нечего.

- Вот и делай выводы. Разве мужик при смерти будет таким, как ты говоришь, активным? Да он психологически бы не смог... ничего...

- Тебе видней.

Настроение Маши совсем упало. Ей захотелось домой, в свою квартиру, забраться под одеяло и уснуть. Петербург уже не казался ей столь романтичным городом, а Шехов – неизлечимо больным. Саксофонист Миша разбил ее розовые очки, и теперь она должна была принимать решение: оставаться рядом с Шеховым или нет.

- Но раз я ему нужна, то что мне угрожает?

- Ты так хочешь пожить в «Астории»?

- Может, это будет самое приятное воспоминание за всю мою жизнь? Ведь не случайно же я встретила его на Невском. Значит, так было predetermined...

- Поступай как знаешь.

Маша вспомнила, что прихватила из машины Шехова записную книжку. Она достала ее и принялась листать.

- Вот стащила из его машины, – честно призналась она. – Я даже нашла здесь номер мобильного его жены, Шеховой Елены Андреевны. Может, выйдем отсюда, тут так шумно...

- Ты хочешь ей позвонить?

- Ну да. Таким образом я узнаю хотя бы, жива она или нет.

- Ладно, пошли отсюда... Только сначала расплатиться надо...

Они выбрались из подвала на свежий воздух, Маша сразу же чихнула.

- Прохладно, однако.

- Так ведь уже ночь.

- Надо же, а на улице светло, как днем. Странный город... Голубоватые сумерки... красиво...

Она достала свой телефон и набрала номер Шеховой.

- Правда, я до конца не уверена, что делаю правильно, но только так я узнаю, жива она или нет, а то ты запугал меня до смерти.

Послышались длинные гудки, после чего высокий женский голос сказал:

- Да, кто это?

- Елена Андреевна? Шехова?

- Да, а вы кто? - спросил голос.

- Вы меня все равно не знаете... Просто я случайно нашла записную книжку, а там ваш номер телефона. Где вы находитесь? Я хотела бы встретиться с вами...

- Я в Москве, где же еще... - удивился голос.

- Но я в Питере...

Маша испугалась и отключила телефон.

- Я не должна была ничего говорить, правда? Главное, что я услышала ее голос, значит, она жива. Зачем я это сделала? Идиотка...

– Да ничего такого не произошло. Хотя еще вопрос, с ней ли ты говорила. Может, ее телефон находится у другого человека – доверенного лица Шехова.

– Миша, да ну тебя... Нет бы успокоить человека, а ты все про свое... Фантазия у тебя бурная. Лучше бы ты музыку сочинял.

– А я и сочиняю, – обиженным тоном ответил ей Миша. – Ладно, пойдем прогуляемся. У тебя еще целых полтора часа.

Но Маша снова принялась листать записную книжку.

– Кажется, я нашла их московский адрес...

– Ты все равно не успеешь сейчас на московский поезд, да это тебе и ни к чему. А вот та дама, с которой ты говорила, если постарается и подключит все свои связи, то быстро вычислит тебя.

И словно в подтверждение его слов телефон, который до этого времени благополучно молчал все последние дни, поскольку Маше никто не звонил по ее же просьбе («Денег у меня в обрез, звонить только в крайнем случае», – сказала она своим подружкам и жениху Леше перед отъездом), замурлыкал, ожил...

– Слушаю, – немного нервничая, откликнулась Маша. – Кто это?

На экране высветился тот самый номер – Елены Шеховой.

– Это Елена. Вас как зовут?

– Маша, – как загипнотизированная ответила Маша и замерла в ожидании чего-то неприятного, опасного, что надвигалось на нее неотвратно и от чего она уже не могла спастись. – Меня зовут Маша...

– Вы в Петербурге вместе с моим мужем, Шеховым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/tancuyuschaya-na-volnah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)